

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КНЯЖЕСКОГО
АППАРАТА В НОВГОРОДЕ НА РУБЕЖЕ XIII—XIV вв.

В мае 1970 г. В. В. Лукьянов передал в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа для определения свинцовую печать неизвестного происхождения, хранящуюся в фондах Ярославского музея.¹ Печать размером 25 мм сломана пополам по месту канала для шнура. На одной ее стороне помещено изображение конного святого воина, скачущего вправо, и остатки титл имени изображенного, в котором опознается св. Георгий; на обороте — надпись в четыре строки: «Печа|ть кня|жя Васи|льева».

Печать Василия.

Печать Романа Ивановича.

Другая печать подобного типа была найдена летом 1970 г. на Городище под Новгородом. Имея размер около 26 мм в диаметре, она на одной стороне содержит конное изображение св. Георгия влево и соответствующую надпись, а на обороте — фрагментированную пятистрочную надпись: «Печа|ть Рома|нова (Ив)|ано-
(в|ича)».

Для определения этих булл важным оказывается несоответствие имен владельцев и изображения святого патрона. Из надписей очевидно, что владельцев печатей соответственно называли Василием и Романом Ивановичем, тогда как вместо св. Василия и св. Романа легенды сопровождаются изображением св. Георгия. Эта особенность ставит впервые публикуемые памятники в круг новгородских аналогий им рубежа XIII—XIV вв.

Таких аналогий известно сейчас 6, они представлены 18 экз. найденных в разное время булл. Их обзор удобнее всего начать с обнаруженной уже дважды печати, на одной стороне которой помещено изображение св. Димитрия в полный рост с копьём и щитом, а на обороте — крайне небрежная зеркальная надпись: «(Конс)тантинова печать» (№ 439).²

¹ На конвертике с печатью имеется надпись: «Книга поступлений, № 3191».

² Цифровое обозначение печатей заменяет ссылки на соответствующие варианты булл в издании: В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси, т. 2. Новгородские печати XIII—XIV вв. М., 1970.

Мы начинаем с изложения сведений об этой печати потому, что один ее экземпляр был обнаружен при раскопках и имеет стратиграфическую дату. Булла была найдена в 1962 г. в ходе раскопок на древней Ильиной улице Новгорода в составе хорошо датированного комплекса, который, кроме нее, образуют печати князя Дмитрия Александровича (1276—1281, 1283—1294), архиепископов Климента (1276—1299) и Феоктиста (1300—1308). Главной особенностью буллы Константина (как и вновь обнаруженных булл Василия и Романа Ивановича) является очевидное противоречие между именем владельца и находящейся на другой стороне патрональной эмблемой. Подобные противоречия известны еще в домонгольское время и во всех известных нам случаях обозначают подчиненность владельца печати какому-то более высокопоставленному лицу.

В правильности такого предположения убеждают буллы некоего Фомы, уже не имеющие стратиграфических дат, но всеми особенностями своего художественного стиля тяготеющие к кругу булл конца XIII—начала XIV в. Печати Фомы известны сейчас в двух разновидностях. На одной, зафиксированной 5 экз., изображение св. Димитрия в полный рост с копьем и щитом сочетается с такой же лаконичной, как на булле Константина, надписью — «Θομινα печать» (№ 437). Другой вариант более красноречив. Одна из его сторон — та, на которой помещено изображение св. Димитрия, — оттиснута той же матрицей, что и печать № 437. Обратная сторона содержит пространную надпись: «Θομινα печате тиюна» (№ 438). Надпись о принадлежности печати тиуну начисто снимает неизбежные ассоциации с именем князя Дмитрия Константиновича, нареченного в крещении Фомой, и приводит к выводу, что владелец печати — Фома — был тиуном какого-то Дмитрия. А это в свою очередь дает правильное толкование и рассмотренной выше печати Константина, также бывшего представителем какого-то Дмитрия.

Подобные аргументы применимы и к анализу еще одной группы печатей, несущих уже изображение не св. Димитрия, а другого святого. Известны 2 экз. буллы, несущей на одной стороне изображение архангела Михаила, а на другой — четырехстрочную надпись: «Печать кнежа Андреева» (№ 440). Один из этих экземпляров был обнаружен в 1958 г. при раскопках в Новгороде, на Неревском конце, в слое с дендрохронологической датой 1312—1340 гг. По поводу другого экземпляра П. Н. Лихачев писал: «По типу печати она принадлежит (и даже наверное) к XIV веку».³ Находка 1958 г., таким образом, конкретизировала лихачевскую датировку, заключив ее в пределы первой половины XIV в. Что касается ее принадлежности, то мы можем

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и текст к ним. Комментарий к табл. XV, 10. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444.

также догадываться, что владельцем печати был некий Андрей — тиун Михаила.

Печатам Андрея обнаруживается очень точная аналогия среди новгородских сфрагистических материалов. Сейчас известны 3 экз. буллы, несущей на одной стороне поясное изображение архангела Михаила, а на обороте надпись: «Печать Федорова» (№ 441). Изображения архангелов на буллах Андрея и Федора настолько близки, что можно говорить если не о принадлежности их одному и тому же мастеру, то по крайней мере о копировании с одного образца. Эта близость важна для хронологического определения печати № 441 все тем же началом XIV в.

Наконец, еще одна печать того же типа известна сейчас уже в 5 экз., однако лишь последний ее экземпляр, найденный в Новгороде в 1969 г., позволил определить изображение на ней и прочесть с должной полнотой ее легенду. На одной стороне этой печати изображен св. Георгий, а на другой помещена надпись: «А (фа)на(с)ия княз(я) печать» (№ 441а=778, 783).⁴

Группируя названные выше печати по их изображениям и именам владельцев, мы получаем следующую картину:

Изображения	Имена владельцев
св. Димитрий	Фома, тиун (№ 437, 438); Константин (№ 439);
св. Михаил	Андрей (№ 440); Федор (№ 441);
св. Георгий	Афанасий, князь (№ 441а); Василий (публикуемая здесь); Роман Иванович (публикуемая здесь).

Вряд ли следует сомневаться в смысле сюжетов первой колонки приведенной таблички. На рубеже XIII—XIV вв. в Новгороде последовательно княжили Дмитрий Александрович (1283—1294), Андрей Александрович (1294—1304), Михаил Ярославич (1304—1318), Юрий Данилович (1318—1322), Дмитрий Михайлович (1322—1325), Александр Михайлович (1326—1327). Самый состав княжеских имен демонстрирует принципиальное его совпадение с набором сюжетов рассматриваемой группы печатей. Для нас поэтому нет сомнения в том, что эта группа целиком принадлежит княжеской сфрагистике Новгорода. Несколько неопределенными представляются лишь ее хронологические граицы. Такие сомнения порождены неуверенностью в установлении времени булл, несущих изображение св. Ди-

⁴ Комментируя два известных ему обломка этой печати, Н. П. Лихачев (Сфрагистический альбом. Комментарий к табл. V, 21 и XX, 10) указал предположительную дату: «XIV век, начало (?)» — и разъяснил свое мнение так: «Хронологически печать старая, она имеет явную связь с памятниками XIII в., но по палеографическим признакам — это XIV в. (может быть, начало?)».

митрия. Они могут принадлежать к периоду княжения Дмитрия Александровича, и тогда нижней датой всей группы окажутся 80-е или 90-е годы XIII в., но они могут быть с равной долей вероятности отнесены к княжению Дмитрия Михайловича, и тогда момент возникновения этого сфрагистического типа нужно будет отнести к началу XIV в. В любом случае верхней хронологической границей группы оказываются 20-е годы XIV в.

Указания на принадлежность наших булл княжескому аппарату содержатся и в их деталях. Фома, владелец двух разновидностей печатей, назван на одной из них тиуном. Новгородские источники знают две категории тиунов — новгородских (республиканских) и великокняжеских. Печати «новгородских» тиунов хорошо известны; они никогда не несут на себе эмблем. К тому же патронат св. Димитрия, изображенного на булле Фомы, не имеет к ним никакого отношения. Следовательно, в Фоме с большим правом возможно усматривать княжеского тиуна.

Далее, на печатях Андрея и Василия их княжеская принадлежность прямо указана. Надписи этих печатей — «Печать кнежа Андреева» и «Печать княжа Васильева» — содержат в себе некую двусмысленность, заставившую Н. П. Лихачева предпринять бесплодные поиски в источниках князя Андрея,⁵ а нас — такие же бесплодные поиски князя Василия. Если бы владельцы этих булл действительно были князьями, форма надписи на печатях была бы иной, соответственно: «Печать князя Андрея» и «Печать князя Василия» (ср. с надписью печати Афанасия). Поэтому толковать эти надписи следует иначе: «Печать княжая, Андреева» и «Печать княжая, Васильева». Ни Андрей, ни Василий князьями не были, но они были представителями княжеской администрации, действуя от имени Михаила Ярославича и Юрия Даниловича.

Более сложен вопрос об административной сущности владельцев рассматриваемых булл. Менее всего в них возможно видеть великокняжеских пameстников. Новгородская сфрагистика на протяжении XIII—XIV вв. не знает особой пameстничьей печати, однако в тот же период в Новгороде была широко распространена так называемая именная великокняжеская печать, которая заведомо употреблялась не самими князьями, находившимися, как правило, далеко от Новгорода, а их новгородскими пameстниками. Следовательно, наши печати скорее принадлежали лицам иного административного ранга. Основываясь на показаниях печати Фомы, мы склонны видеть в них великокняжеских тиунов.

Против такого предположения можно выдвинуть два обстоятельства. Во-первых, под 1311 г. в летописи упоминается пameст-

⁵ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комментарий к табл. XV, 10.

ник князя Михаила Ярославича Федор, водивший новгородцев в поход на карел,⁶ но имя Федор встречено на печати № 441 как раз времени Михаила Ярославича. Во-вторых, владелец печати № 441а князь Афанасий, представлявший великого и новгородского князя Юрия Даниловича, достаточно хорошо известен летописцу. Этим князем Афанасием был родной брат Юрия Даниловича, выполнявший функции княжеского наместника (а не тиуна) в 1316 и 1318 гг.⁷ и умерший в 1322 г.⁸

Оба приведенных обстоятельства, однако, не столь противоречивы. Князь Афанасий, как это следует из летописного рассказа, наместничал только во время отсутствия Юрия Даниловича, но он жил в Новгороде и тогда, когда его владетельный брат пребывал на Городище. Логично предполагать, что в отсутствие Юрия его наместник Афанасий пользовался для скрепления актов княжеской печатью, а в остальное время, не будучи наместником, выполнял иные, тиунские функции. Не отрицая тождества наместника Федора и владельца буллы Федора, мы также склонны относить наместничество и буллу Федора к разным этапам внутри хронологических рамок княжения Михаила Ярославича.

Предлагая список княжеских тиунов Новгорода рубежа XIII—XIV вв., мы должны теперь поставить вопрос о характере их должности. Вопрос этот сложен уже потому, что только печати позволяют в какой-то мере реконструировать тиунские списки. Ни летописи, ни акты не знают тиунов по имени, если не считать упоминания княжеского тиуна Якима под 1228 г.⁹ Все же некоторое представление о сущности тиунской должности можно почерпнуть из многочисленных актовых свидетельств.

Наиболее значительными из них представляются показания Новгородской судной грамоты и договорной грамоты Новгорода с Казимиром IV. Судная грамота называет две разновидности княжеских чиновников, различая их функции, — княжеских наместников и княжеских тиунов: «А посаднику судити суд свои с паметники великого князя по старине; а без паметников великого князя посаднику суда не кончати. А паметником великого князя и тиуном пересуд свои ведати по старине».¹⁰ И далее: «А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судити им в правду, крест поцеловав на сеи крестной грамоте».¹¹

Те же постановления содержит и договорная грамота Новгорода с Казимиром: «А держати тебе, честному королю, своего

⁶ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 335.

⁷ Там же, стр. 335, 336, 338, 457; 94, 96.

⁸ Там же, стр. 96, 338, 457.

⁹ Там же, стр. 272.

¹⁰ Памятники русского права, вып. 2, М., 1953, стр. 212.

¹¹ Там же, стр. 215.

наместника на Городище от нашей веры от греческой, от православнаго хрестьянства. А наместнику твоему без посадника новгородского суда не судити... А Великому Новгороду у твоего наместника суда не отымати, опричь ратной вести и городоставлепия. А судити твоему наместнику по новгородцкой старине... А тиуну твоему судити в одрине с новгородскими приставами... А наместнику твоему судити с посадником во владычье дворе, на пошлом месте, как боярина, так и житьего, так и молодшего, так и селянина. А судити ему в правду, по крестному целованью, всех равно. А пересуд ему имати по новгородцкой грамоте по крестной, противу посадника; а опричь пересуда посула ему не взяти. А во владычень суд и в тысяцкого, а в то ся тебе не вступати, ни в монастырские суды по старине».¹²

Из приведенных свидетельств очевидно, что княжеский тиун ведал определенной частью княжеской юрисдикции. Пытаясь определить ее границы, попробуем представить себе место тиунского суда в общей структуре новгородских судов. Нам кажется вероятным, что принцип совместного рассмотрения дел, ярко проявившийся в существовании смесного суда посадника и княжеского наместника, в равной степени был свойствен и другим судам Новгорода. Оставляя в стороне специфический монастырский суд, бывший порождением монастырского иммунитета, мы видим существование в Новгороде трех форм суда: посадничий, тысяцкий и владычный.

Суд посадника был организацией, в которой осуществлялся раздел юрисдикции посадника и князя, ведавших одной и той же сферой деятельности новгородцев. До 1385 г. такой же раздел юрисдикции, но в другой сфере осуществлялся между владычным и митрополичьим судами. Отказ митрополиту в суде привел к уничтожению раздела и сосредоточению юрисдикции в руках владыки. Третий новгородский суд, осуществляемый тысяцким, ведал вопросами торговыми и гостинными, а также связанными с взиманием различных торговых пошлин. Нам представляется, что княжеский тиунский суд должен противостоять суду тысяцкого, защищать интересы князя именно в этой очень важной для него области.

Акты как будто подтверждают такое предположение. Княжеские тиуны постоянно упоминаются в докончаниях Новгорода с князьями в связи с определением доли княжеских доходов с Волока и Торжка, т. е. с территорий, по которым пролегали торговые дороги из Новгорода на Русь: «А что ти, княже, пошло на Торжку и на Волоче: тиун свои дѣржати на своей чясти, а новгородецъ на своей чясти».

Будучи представителями более низкой административной ступени, нежели княжеские наместники, тиуны князя, конечно, не могли в своем суде пользоваться княжеской буллой, бывшей

¹² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1949, стр. 130, № 77.

атрибутом наместничьего суда. Им принадлежала печать особого вида, подробно описанная выше по материалам рубежа XIII—XIV вв. Ограниченность ее хронологических рамок позволяет поставить еще одну проблему, связанную с периодизацией истории тиунского суда. Чтобы эта проблема стала очевидной, отметим, что существование тиунских печатей в Новгороде прекращается после 20-х годов XIV в., чтобы вновь возобновиться на рубеже XIV—XV вв. Эта вторая, более поздняя группа печатей великокняжеских тиунов доживает до падения Новгорода в 1478 г.¹³ С другой стороны, многочисленные буллы «новгородских тиунов», совершенно неизвестные в материалах XV в., датируются концом XIII—XIV в.¹⁴

В свете этого наблюдения можно попытаться оценить содержащиеся в Новгородской судной грамоте и в договоре Новгорода с Казимиром IV ссылки на «старину и пошлину». Поскольку на протяжении XV в. документы тиунского суда скреплялись печатью великокняжеского тиуна, формирование такого порядка невозможно отнести ко времени более раннему, нежели рубеж XIV—XV вв.

Дата возникновения этого обычая сравнительно легко возводится к преобразованию новгородских судов в 1385 г. Обычно события 1385 г. исследователи рассматривают в связи с главным конфликтом между Новгородом и митрополитом из-за отказа митрополиту в суде. Однако существо преобразований 1385 г. было более глубоким и широким. Эти преобразования коснулись всей системы новгородского судопроизводства, на что уже обратил внимание Л. В. Черепнин.¹⁵ Летопись крайне глухо сообщает о событиях 1385 г.: «Той же зимы, при посаднике Федоре Тимофеевиче, при тысяцком Богдане Обакуновиче, человаша новгородци крест на том, не зватися к митрополиту на Москву на суд, но судите владыке Алексею по Манакануну; а посаднику и тысяцкому судити свои суды по челованию; а на суд поимати двема истьчам по два боярина и по два жителя с стороне».¹⁶ Однако даже из этого рассказа очевидно, что перемены во владычном суде были лишь одним из направлений общей судебной реформы.

Если в 1385 г. тиунский суд действительно был преобразован таким образом, что судебная пошлина шла княжеской администрации, на что указывает применение с этого момента печати великокняжеского тиуна, то до 1385 г. существовал иной порядок, утверждающий приоритет в тиунском суде представителя республиканского Новгорода. Ведь между 1320-ми и 1385 гг.

¹³ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси, т. 2, раздел «Поздняя группа печатей великокняжеских тиунов».

¹⁴ Там же, раздел «Печати новгородских тиунов».

¹⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948, стр. 378—379.

¹⁶ ПСРЛ, т. IV, стр. 91—92; ср. т. XII, стр. 85—86.

печати княжеского тиуна нет, а в изобилии употребляется булла «новгородского тиуна».

Однако и этот порядок не изначален, поскольку в первой четверти XIV в. зафиксирована описанная выше значительная группа печатей княжеских тиунов. Таким образом, «старина и пошлина» Новгородской судной грамоты достаточна сложна. Она восходит непосредственно к реформе 1385 г., но опирается на более глубокую «старину» первой четверти XIV в.

Следует оговориться, что в представлениях об организации тиунского суда в первой четверти XIV в. не может пока существовать должной полноты. Дело в том, что мы не смогли выше установить нижнюю дату бытования булл великокняжеских тиунов. Она может относиться и к 80-м годам XIII в., и к первым годам XIV в. Между тем древнейшие печати «новгородских тиунов» зафиксированы при раскопках в несомненных слоях последней четверти XIII в.¹⁷ Теоретически допустимы два взаимоисключающих решения о хронологическом взаимоотношении древнейших печатей «новгородских тиунов» и древнейших печатей великокняжеских тиунов. Они могли возникнуть одновременно в последней четверти XIII в. и сосуществовать до 20-х годов XIV в. Но они могли и не сосуществовать. Не исключено, что сначала возникает булла «новгородского тиуна», демонстрирующая изначальный приоритет республиканских органов в смесном суде, а затем такой приоритет на четверть столетия переходит к представителю княжеской администрации, чтобы снова вернуться к «новгородскому тиуну» в исходе первой четверти XIV в. Этот вопрос может быть когда-нибудь решен сравнением обеих групп древнейших тиунских булл после нового накопления их образцов.

Отметим, что при любом решении последнего вопроса роль преобразований государственной власти в Новгороде в конце XIII в. еще раз подчеркивается несомненным существованием таких преобразований в области организации тиунского суда.

В. Г. ЧЕРНУХА

СОВЕТ МИНИСТРОВ В 1857—1861 гг.

Первый русский Совет министров, фактически функционировавший с 1857 до 1882 г., а юридически числившийся действующим в 1861—1905 гг., очень слабо представлен в литературе, как дореволюционной, так и советской. Официальная дореволюционная историография, исправно занимавшаяся составлением парадных юбилейных историй высших и центральных государ-

¹⁷ Печати тиунов Каллиста (№ 632) и Дмитра (№ 622). См.: В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси, т. 2.